

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 808.2.168.552

БЕЛГОРОДСКИЕ ТОПОКОНЦЕПТЫ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ В СОСТАВЕ РЕГИОЛЕКТА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. А. Корнейко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
helen.korneiko@yandex.ru*

В статье предпринята попытка рассмотрения и описания топонимических концептов Белгородской области, которые выступают своеобразными культурными маркерами региона и являются основой для создания топонимических перифраз.

Ключевые слова: язык региона, региолект, топоним, топонимический концепт, культурный маркер, топонимическая перифраза.

Национальный язык в лингвистике рассматривается как социально-историческая категория для обозначения языка, являющегося средством общения нации и функционирующего в устной и письменной формах. Состояние национального языка определяет конкретный состав компонентов: единая форма литературного языка или вариантная, функционирование определённого количества диалектов, полудиалектов, региолектов, койне, пиджинов и т. п. Для современной лингвистики весьма характерен интерес к функционированию языка и формам его реализации в различных условиях, в частности, к вопросам регионального варьирования русского языка.

Что такое русская региональная речь? По мнению Н. С. Сергиевой, определение «региональная» выделяет лишь один признак, несомненно, наиболее показательный, но явно недостаточный: «...если мы скажем, что региональной является речь, отличающаяся какими-то особенностями в зависимости от территории своего распространения, то при дальнейшей характеристике географические координаты окажутся ненужными. Региональное своеобразие русской речи зависит не от естественных границ регионов, а от причин собственно лингвистического и экстралингвистического характера, прежде всего от контактов с другими языками и от взаимодействия с окружающими говорами» [1, с. 11].

В литературе по данному вопросу все чаще термин «региональный язык» дублируется терминами «региолект», «региональные говоры», «региональные черты» и др. Однако М. А. Бородин усматривает существенные различия между явлениями, обозначенными этими терминами: региональные черты (регионализмы, провинциализмы) – это отдельные особенности местной разговорной речи, которые отнюдь не обязательно входят в систему региональных говоров или регионального языка. Термины «региональный говор», «региолект» предусматривают определённую функционирующую лингвистическую структуру. Синонимично региональному говору употребляется термин «региональный язык». «По-видимому, утверждает М. А. Бородин, можно говорить о региональных говорах (региолектах) как о самостоятельных лингвистических единствах» [2, с. 29 – 38].

Понятие региолекта активно использует в своих работах А. С. Герд. Ученый рассуждает таким образом: «Языки современных высокоразвитых этносов (русских, немцев, французов) в ареальном плане членятся не только на наречия, диалекты и говоры, но и на региолекты (интердиалекты). Региолекты – ареал ряда смежных диалектов, включая города и поселки городского типа и, тем самым, весьма значительные группы того или иного этноса» [3, с. 13]. Носителями региолектов являются не только крестьяне, не только малообразованная часть населения, но и местная интеллигенция. Так что же такое региолект? Региолект, по определению А. С. Герда, «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса стандартного литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием [там же]. Таким образом, можно прийти к выводу, что «выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории» [3, с. 14].

Язык региона, региолект – «понятие внутренне неоднородное: здесь присутствуют нормированный литературный язык, говоры и диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны и социолекты, городское и сельское просторечие, явления смешения и контаминации родственных или контактирующих языков и др. Одни составляющие языка региона изучены и описаны лучше (литературный язык, диалекты и жаргоны), другие – гораздо в меньшей степени (социолекты, городское просторечие, микропонимика). В наименьшей степени изучено (если не сказать больше – вообще не изучено) такое явление, как особые, специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения – регионимы и регионализмы...» [4, с. 7]. Подобная региональная лексика достаточно четко структурно организована, в ее составе могут быть и слова литературного языка, и жаргонизмы, и диалектные формы, и антропонимы, и топонимы. По нашему мнению, данные разнородные лексические единицы могут быть объединены в комплексном «Словаре региона».

Идея создания словаря, где была бы возможность практически доказать локальную вариативность литературного языка, принадлежит Ф. Л. Скитовой; ею же разработаны принципы создания словаря региона. Т. И. Ерофеева, занимающаяся составлением глоссария пермских локализмов, называет в качестве актуальной для словаря лексику трёх сфер: диалектные элементы, характерные для местной речи; городские по происхождению элементы – урбанизмы; единицы, которые квалифицируются словарями современного языка как просторечные или устаревшие литературные, но имеют подчеркнуто широкое использование в речи жителей данного региона, в отличие от других областей [5, с. 6 – 7].

Мы считаем, что белгородский регион располагает самобытным языковым материалом, и этот языковой материал может быть сосредоточен в своеобразном словаре регионализмов (словаре региона).

Безусловно, наиболее существенную часть такого словаря будут составлять топонимы.

Топонимия – часть культурной среды народа, запечатлевшая его мироощущение, миропонимание и мироконструирование; топонимы – неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры: в них, как в зеркале, отражается история заселения и освоения данной территории. Поэтому эта часть лексики издавна привлекает внимание не только филологов, но и историков, этнографов, географов. Для филолога важно, что именно топонимы вбирают в себя наиболее существенные пласты лексики, отражающей материальные и духовные понятия народа, в т.ч. населения определенного региона.

Любое географическое название есть знак, являющийся частью лексической системы языка конкретного народа. Оно выполняет прежде всего функцию индивидуализации (или идентификации) данного, т. е. определяемого именно этим топонимом.

мом, географического объекта в группе однотипных объектов (когда нам нужно выделить данное озеро среди других озер края, данную деревню среди других деревень области, данную улицу среди других улиц города или района). Практически любой топоним образуется по основным законам языка и функционирует в речи в соответствии с ее основными правилами и традициями. Велика и социальная роль географических названий как совокупности ориентиров.

Топонимический материал представляет безусловный интерес для изучения языка регионов. Детальный анализ топонимов Белгородчины начинается с выхода книги И. И. Жиленковой «Региональная топонимика» [6]. Автор предлагает классификацию ойконимов по семантике образующих основ и по способам их образования. Интересные наблюдения по белгородской топонимике имеются также в работах И. Г. Добродомова, В. А. Прохорова, Б. И. Осыкова, В. П. Кичигина и некоторых других авторов.

Мы предполагаем в данной статье обратиться к рассмотрению топонимических единиц, достаточно редко становящихся объектом внимания лингвистов. Среди этих «обойденных вниманием» топонимов выделим несколько групп: 1) особо значимые для региона топонимы – так называемые **топоконцепты**: *Белгород, Прохоровка, Старый Оскол, Губкин* и др.; 2) **топонимы с корнем -БЕЛ-**: *Белгород, Беловское, Беломестное* и др., включая сюда топонимические номинации, когда зависимое слово является оттопонимическим прилагательным: *Белгородский университет, улица Белгородского полка* и др.; 3) **топонимические перифразы** – *город Первого сапюта¹, Белый город, Город воинской славы, Город горняков* (Старый Оскол) и др.

В первую очередь обратимся к топоконцептам. К сожалению, в научной литературе нам не удалось найти точного определение термина «топоконцепт», поэтому мы сошлемся на понимание Л. М. Дмитриевой топонимического концепта как «ментального образования, аккумулирующего знание субъекта о пространственном измерении, пучок смыслов, отражение ценностной ориентации субъекта» [7, с. 68]. Считая это определение слишком обобщенным, мы считаем главными признаками топоконцептов возможность ярко отражать культурно-ценностные представления об определенных географических объектах, общие для всего народа, способность вызывать мгновенные ассоциации при упоминании данных топонимических номинаций. Вполне определенные устойчивые представления возникают в нашем сознании, когда мы слышим (видим, читаем) названия *Москва, Санкт – Петербург, Одесса, Севастополь*. Это не просто топонимы, за ними – наша история, литература, культура. Очевидно, такие «больше, чем названия» могут быть квалифицированы как топоконцепты.

Белгород, Старый Оскол, Губкин, Северский Донец... У жителей Центрального Черноземья эти номинации тоже вызывают целый спектр представлений. А созданные на их основе топонимические номинации, по мнению Э.М.Левиной, являются «своеобразными культурными маркерами» нашего края [8, с. 144].

Особо следует сказать о топониме *Белгород*, который, по нашему мнению, является топоконцептом, хотя в то же время рассматривается и во второй группе топонимов-номинаций, содержащих корень -БЕЛ-.

Основным средством языковой объективации топоконцепта «Белгород» выступает как сам топоним, так и прецедентные имена, большая часть которых является либо микротопонимами и эргонимами, находящимися в гипонимических отношениях с основным топонимом: международный аэропорт «Белгород», универмаг «Белго-

¹ Определяя орфографический облик топонимических перифраз, мы руководствовались правилом, что в неофициальных устойчивых, в том числе образных названиях государств и городов с прописной буквы пишется первое (или единственное) или ключевое слово, а также (если они есть) собственные имена, напр.: Страна восходящего солнца (о Японии), Страна утренней свежести (о Корее), Поднебесная империя или Поднебесная (об императорском Китае), Страна кленового листа (о Канаде), Страна тюльпанов (о Голландии), Вечный город (о Риме), Белокаменная, Первопрестольная (о Москве), Северная Пальмира (о Петербурге) (См. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2006. – С. 361).

род», гостиница «Белгород», Белгородский госуниверситет, Белгородский академический драматический театр им. М. С. Щепкина, Белгородский проспект и др.

К топонимам, которые также могут быть названы «сугубо белгородскими» и отнесены к топоконцентрам, следует отнести *Прохоровка* и *Губкин*. Топоним *Прохоровка* достаточно распространен в русской топонимике (например, село Прохоровка Красносулинского района Ростовской области и др.). Посёлок *Прохоровка* Белгородской области получил своё название от первого владельца – Прохора Ильинского [9, с. 571]. Под Прохоровкой 12 июля 1943 г. произошло беспримерное в истории войн встречное танковое сражение. Поселок Прохоровка до этого сражения был мало кому известен. Теперь о нём знают не только у нас в стране, но и за рубежом, а легендарное Прохоровское поле по праву поставлено историей в один ряд с полями Куликовым и Бородинским. Топоним «Прохоровка» мы относим к топоконцептам, поскольку это не только топоним, но и хрононим, идеоним, т.к. в данном случае именем географического объекта называются значительные исторические события, произошедшие на данной территории. Эти номинации, имея давнюю лингвокультурную традицию, без труда и достаточно определенно декодируются всеми носителями языка.

Значительной достопримечательностью Белгородской области, но уже в другой сфере, является город *Губкин*, который также уже вписал своё название в историю страны. Губкин стал первым населённым пунктом, выросшим рядом с первой шахтой Курской магнитной аномалии. Весной 1933 г. на шахте добыли первую железную руду, а в 1939-м Указом Президиума Верховного Совета РСФСР населённому пункту было присвоено имя Ивана Михайловича Губкина (1871 – 1939) – советского геолога, одного из организаторов освоения богатств Курской магнитной аномалии [9, с. 52]. Город Губкин – гордость не только Белгородской области, но и всей России, поэтому названия, связанные с ним и академиком Губкиным (например, *улица Губкина*), человеком, принявшим непосредственное участие в его рождении, являются региональными «маркерами», вызывающими общие представления о городе горняков.

Одной из особенностей белгородской топонимии является широкое функционирование корня -БЕЛ-. Он встречается в названии более чем 10 населённых пунктов. Анализируемый корень восходит к общеиндоевропейскому языку. За длительный период существования слова с этим корнем развивают в русском языке ряд переносных значений, образуют обширное словообразовательное гнездо. Основное значение общерусского слова *белый* 'имеющий цвет снега, молока, мела'. Распространенность данного корня в топонимии Белгородской области обусловлена большими залежами мела, которые и дали, в первую очередь, название областному центру – *Белгороду*. Известный белгородский краевед Б. Осыков объясняет происхождение названия города в книге «Города Белогорья» следующим образом:

– *А почему наш город так называется – Белгород?*

– *Потому, ребята, что люди построили его на Белой горе, самой большой и самой высокой в округе* [10, с. 3].

Однако не все так однозначно в происхождении данного названия. В. П. Кичигин в статье «Гуманитарно-филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей» рассматривает все версии происхождения этого топонима [11, с. 65 – 66]. К моменту написания Истории государства Российского уже активно шел спор о том, почему городу дано имя Белгород: оттого, что стоял он на горе меловой (т. е. Белой), или была тому другая причина. Историки чаще всего связывают название с местом расположения – у меловой горы. Невозможно «вскочить» в историческое время остывшего и отошедшего в свое столетие спора. Но вопросы в связи со спором остаются. Например, почему, если от Белой горы пошло название, город не стал называться Белогорск? (т. е. почему в имени нет слова «гора»?; к тому же в местных говорах мел назывался «глиной»). Почему само имя горы «Белая», а не «Синяя»? А нельзя ли предположить, что гора была местом культа древнего языческого божества по имени Белбог?

Слово «белый» на Руси было особо почитаемым. Это подтверждается исторически. Русское государство территориально делилось на Малую, Великую и Белую Русь. Слово «белый» упоминается в древнерусской литературе, где есть названия городов с именем «Белгород»: «Сказание о Белгородском киселе», «Слово о мучениях Иоанна Нового в Белгороде». В славянской мифологии Белбог – бог света, жизни, противостоящий Чернобогу – богу тьмы, мрака, смерти, холода. Киевский князь Святослав, взяв хазарский город Саркел, дал ему новое русское имя – Белая Вежа, т. е. назвал «Белым городом» («шатром», «сторожей»). Если он это сделал, то, значит, ему было очень важно, чтобы где-то там, далеко от стольного града, была территория, означенная словом «белый», значит, было необходимо пометить некую пространственную точку как границу, очерчивающую пространство на границе с другим, не белым, не просветленным, а темным, чужим, с точки зрения правителя Киевской Руси. Русского царя называли «Белый царь». Множество названий городов, поселков, мест, рек включало слово «белый»: Белая Церковь, Белое море, Белополье, Белый лог, Белая Березка (Курская обл.), Белая Глина (Ростовская обл.), Белгород–Днестровский (Украина, Одесская обл.), пос. Беленький (Якутская обл.), Белово (Кемеровская обл.), Беловодск (Украина, Луганская обл.), Беловодское (Киргизия), Белогорка (на Урале), Белгородка (под Киевом), Белогорск (в Амурской, Кемеровской обл., в Крыму), Белогорье (в Воронежской, Павлодарской обл., также в Украине), Белый Колодезь (поселок в Харьковской обл.), Белый яр (в Омской, Томской обл.), г. Белый (в Смоленской обл.) и другие.

Слово «белый» имело в праславянском языке разные значения. Во-первых, город свободный от податей, по-современному говоря, от налогов. Во-вторых, полный, «дебелый мужчина», крупный, большой, полный, «справный». В-третьих, белый обозначал чистоту, как в словосочетании «белый лебедь». В фольклорном имени «Беловодье» белый обозначал чистую, благодатную землю, светоносную, незамутненную, воплощающую символ плодородия и чистоты.

Известна и версия В. А. Никонова о том, что Белгород получил название по белому цвету зданий, побеленных мелом [12, с. 34].

Свой неповторимый смысл несет через века и слово «город». Изначально в славянских языках слово «город» писалось и произносилось одинаково «градъ», что означало дом. В болгарском языке до сих пор дом называется «градина». Позже слово «город» обрело признак действия («городить»), и стало обозначать «отгороженное место», «оград местности», территории, земли, отгородки или загородки, отгороженное от остального мира место проживания. Вобравшее два древних слова: «белый» и «город», имя «Белгород» несет смысл света, чистоты, смысл ясного дома, дома справедливости и чистоты. Если обратить внимание на историческое расположение некогда в этих местах древних поселений городов с именами, включающими слово «белый», то нетрудно увидеть на карте границу Киевской Руси с другими народами. Белгород XVI в. также встал на границе нового государства – Московской Руси, а затем России как граница светлого, чистого. Он стал центром «Засечной черты», прикрывшей Московскую Русь, а затем Россию от мира иного, не совпадающего в представлении предков с понятием «белый».

Идея исторической светоносности города стала доминантной для города в XX веке. Город прибавил к своему имени еще один признак светоносности – «город Первого салюта», салюта как «сильно слепляющей» мир вспышки света. Белгород стал городом, возвещающим о победе сил света над силами тьмы.

Небезынтересно, что из многих городов, носивших имя «белый» в разные времена, сохранили его два города на карте мира: наш Белгород и Белград – столица Сербии. Остальные в силу разных причин, изменили его или потеряли. Ушли с карты Белгород (на Днестре), Белгород (Старая Рязань), Белгород (на р. Рупине) Белгород (на р. Ирпени), Белгород (на р. Оке). Белгород на Днестре стал носить имя Белгород–Днестровский, Белгород под Киевом стал называться «Белгородкой» и т.д. Это еще

одна существенная особенность из истории имени города, силой особенного характера удержавшего и отстоявшего его в веках.

Приведем список населенных пунктов Белгородской области, в названии которых также встречается корень -БЕЛ-: *Белогорье, Беленькое, Белозорово, Беломестное, Беломестное, Белый Колодезь, Белый Колодезь, Белый Колодец, Белый Плес, Белянка, Беленихино*. Но и здесь нет однозначного ответа о значении корня -БЕЛ-. Так, название села *Белогорье*, расположенного в полутора километрах от Корочи, восходит к словосочетанию «Белые горы», и, значит, оно является отражением местных природных условий, а утверждать это по отношению к топониму *Беломестное* (центр сельского округа в Белгородском районе) нельзя. Оно было основано белыми казаками, почему и получила свое название. Ссылка на меловые горы – «белые места», по мнению В. А. Прохорова, ошибочна» [13, с. 190]. В данную группу может быть отнесено и название *Крейда*, т. к. оно происходит от украинского *крейда* – 'мел', исконно восходящего к немецкому *Kreide* – «мел». Крейда – местное название городской окраины, где обычно и располагались строительные предприятия, в т. ч. по переработке мела.

Топонимы Белгородской области, в составе которых есть корень -БЕЛ-, показывают особенности Белгородчины, нашедшие отражение и в языке. Следовательно, они могут быть квалифицированы как лингворегионализмы.

В данную группу должны быть включены и топонимические номинации, в которых зависимое слово является оттопонимическим прилагательным: *Белгородский университет, улица Белгородского полка, «Белгородский улицы»* (песня на слова В. Молчанова) и мн. др.

Топонимические перифразы «репрезентируют целое по его когнитивным компонентам», «подчеркивают какие-либо его признаки», «обладают образностью, индизнаказательностью» [14, с. 258]. Перифразы закрепляют в виде устойчивых номинаций стереотипное осмысление концептов, вербализованных топонимами. Воронеж называют столицей Черноземья, колыбелью русского флота, Санкт-Петербург – культурной столицей, Иваново – городом невест, Урюпинск – столицей пуховых платков и др. Подобные номинации Белгорода, построенные по стандартным структурным моделям, следующие: *город Первого салюта* (5 августа 1943 г. в Москве был дан первый салют за период Великой Отечественной войны – в честь освобождения Белгорода и Орла), *Белый город, Город воинской славы* (звание, присвоенное городу за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками этих городов в борьбе за свободу и независимость Отечества, указом президента от 27 апреля 2007 г.), *столица Святого Белогорья* (часто используется в СМИ).

Данные наименования прочно вошли в употребление: в неофициальном гимне города он называется *Белый город* («*Белый, белый, белый, белый город...*»), в текстах известных белгородских поэтов использованы наименования Белгорода, которые мотивируют внутреннюю форму онима:

Что за белым тем холмом?

Горы меловые,

*Или **Белый город** – дом,*

Или клад России? (И. Чернухин)

Топонимические перифразы легли в основу многочисленных белгородских эргонимов: гостиница «Салют», рынок «Салют», стадион «Салют», ресторан «Белый город» и др.

Некоторые топонимические перифразы могут одновременно относиться к разным населенным пунктам: например, *Городом горняков* на Белгородчине называют и Губкин, и Старый Оскол. Это объясняется сходством их экономической деятельности: в Губкине расположен Лебединский горно-обогатительный комбинат, комбинат «КМАруда», в Старом Осколе – Стойленский горно-обогатительный комбинат; предприятия обоих городов входят в число крупнейших в мире предприятий по добыче железной руды [15, с. 75]. По отношению к Старому Осколу употребляются также то-

понимические перифразы *Город металлургов и строителей, Земля горняков и металлургов*, так как в нем расположен также целый ряд строительных предприятий.

Одна из важнейших функций перифразы является возможность «не только называть предметы или явления, но и описывать их» [16, с. 208]. Топонимические перифразы в полной мере реализуют эту возможность, концентрированно передавая сущность называемого объекта, основываясь, например, на его географическом положении (Алексеевка – *город на Тихой Сосне*), участии в исторически значимых событиях (Белгород – *город Первого салюта*), ведущей экономической деятельности (Старый Оскол – *Город горняков*).

Список топонимических перифраз постоянно пополняется. Например, на тематическом внутрикорпоративном форуме НИУ «БелГУ» «Наш язык сегодня», участниками которого могут быть все пользователи интрасети и читатели университетской научной библиотеки, были названы новые перифрастические наименования Белгорода: *Мясомолочная столица России* (в связи с достижениями в области АПК), *Столица волейбола, Город чемпионов* (4 игрока волейбольной команды «Локомотив–Белогорье» стали олимпийскими чемпионами в составе сборной России на XXX летних Олимпийских играх в Лондоне).

Исследовав особенности белгородских топонимов и перифраз, мы пришли к следующим выводам: 1) топонимический концепт ярко отражает национально-культурное представление человека о мире; 2) к белгородским топонимам можно отнести топонимы *Белгород, Губкин, Прохоровка, Старый Оскол*; 3) одной из особенностей белгородской топонимии является широкое функционирование корня -БЕЛ-, который встречается в наименовании более 10 населенных пунктов, но происхождение далеко не всех названий данной группы объясняется географическими особенностями нашего региона; 4) топонимические перифразы закрепляют в виде устойчивых номинаций, вербализованных топонимами, образно передают сущность называемого объекта, основываясь на его географическом положении, роли в истории страны, ведущей экономической деятельности и др.

Представленные в статье группы топонимов и топонимических перифраз не претендуют на исчерпывающую полноту. Этот лингвокультурный материал должен исследоваться и далее с перспективой последующего включения в «Топонимический словарь», в комплексный «Словарь региона» Белгородской области.

Список литературы

1. Сергиева Н. С. Русский язык в региональном аспекте и проблемы его изучения // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: Тез. докл. Всерос. науч. конф. «Лингвистическое изучение материальной духовной культуры». – Сыктывкар: СГУ, 1994. – С. 9 – 10.
2. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29 – 38.
3. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. – 92 с.
4. Новикова Т. Ф. Лингворегиеоноведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.
5. Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Проект словаря локальных элементов, бытующих в литературной речи пермской области // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1985. – С. 5 – 10.
6. Жиленкова И. И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – 112 с.
7. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2002. – 254 с.
8. Левина Э. М. Топонимы как культурные маркеры стихотворных текстов (на материале белгородской поэзии) // Роль учителя русского языка и литературы в сохранении культурных традиций российского общества: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной Году учителя. – Белгород: ЛитКараВан, 2010. – С. 143 – 145.
9. Зеликов А. Я. По воле памяти своей... – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – 904 с.

10. Осыков Б. И. Города Белогорья. – Белгород: КОНСТАНТА, 2008. – 84 с.
11. Кичигин В. П. Гуманитарно-филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей // Белогорье. Краеведческий альманах. № 2. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – С. 65 – 66.
12. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
13. Прохоров В. А. Надпись на карте. – Воронеж: Центр. –Чернозем. изд-во, 1977. – 190 с.
14. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя.— Одесса: Астропринт, 2004. – 192 с.
15. Осыков Б. И. Белгородский алфавит (Краткий краеведческий справочник). – Воронеж: Центр. – Чернозем. изд-во, 1990. – 208 с.
16. Грехнёва Л. В. Особенности перифрастической номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Лингвистика. – № 6 (2). – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2009, – С. 207 – 210.

BELGOROD TOPOI CONCEPTS AND TOPONYMIC PERIPHRAISIS AS A PART OF REGIOLECT OF BELGOROD REGION

E. A. Korneyko

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

helen.korneiko@yandex.ru

The article reviews topoi concepts of Belgorod region, which are the distinctive cultural markers of the region and are the basis for the creation of toponymic periphrasis.

Key words: language of the region, regiolect, toponym, topoi concept, cultural marker, toponymic periphrasis.